

Гроза двенадцатого года

Симбирский полк в Отечественной войне 1812 года

Симбирский пехотный полк был сформирован в ноябре 1811 года и вошёл в 27-ю дивизию генерала Д.П. Неверовского. Первым командиром Симбирского полка стал полковник Павел Сергеевич Лашкарев.

Свой первый бой симбирцы приняли 2 августа 1812 года при селе Красном. «Пример такой храбрости ни в какой армии показать нельзя», – с восхищением писал о воинах 27-й дивизии знаменитый генерал Пётр Иванович Багратион. В бою под Красным симбирцы потеряли 210 человек убитыми и ранеными, в боях под Смоленском 4–6 августа 1812 года – ещё 190 убитых и раненых только в Симбирском пехотном полку.

В Бородинском сражении полностью погибла гренадерская рота симбирцев. Из 943 нижних чинов Симбирского пехотного полка к вечеру оставался в строю 251 человек.

27-я пехотная дивизия в своём первом бою под Красным, 2 августа 1812 года

Лашкарев не заслони́л собою от вражеской пули главнокомандующего российской армией, генерал-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова (1745–1813)!

И в нашей жизни, и в истории мира и нашего Отечества бывают времена, когда события концентрируются на кратком отрезке времени, и какие события. Вот 6 (18) июня 1812 года в Симбирске родился великий русский писатель Иван Гончаров. А уже 12 (24) июня великий полководец, император французов Наполеон I Бонапарт (1769–1821) вторгся в пределы Российской империи с 600-тысячной Великой армией. Под знамёнами Наполеона сражались «двенадцать языков», представители разных стран и народов, покорённых Францией в ходе пятнадцатилетних наполеоновских войн.

Формально Наполеон не объявлял войну Российской империи. С 1807 года, после подписания тяжёлого для россиян Тильзитского мира, страны считались союзницами. Россия в ущерб себе вынуждена была примкнуть к континентальной блокаде Франции против её главного врага Великобритании, бывшей крупнейшим торговым партнёром нашей империи, и даже начать с ней растянувшуюся на пять лет войну, вошедшую в историю под названием Бездымной: так мало обе стороны истратили друг на друга пороха.

Воевать с англичанами, самой промышленно развитой, абсолютно господствовавшей в море и подчинявшей кучу колоний державой, России, разумеется, не хотелось. Это шло вразрез с экономическими интересами страны, для которой Англия была крупнейшим торговым

Павел Сергеевич Лашкарев, первый командир Симбирского пехотного полка

Неизвестно, как бы сложилась судьба Бородинской битвы и всей кампании, если бы командир Симбирского полка Павел

партнёром, и особым образом вредило интересам её господствующего сословия – дворянства. Дворяне теряли возможность сбывать англичанам продукцию своих мануфактур, холсты, верёвки, канаты и мешковину. Страдал также привычный быт русской элиты, которая лишалась английских колониальных товаров: пряностей, тростникового сахара и рома, предметов роскоши, модных гардеробов – лондонские моды считались круче парижских. Помните, у Пушкина: «как dandy лондонский одет»!

Наполеон всё больше свирепел, глядя на поведение россиян. Он много лет лелеял мечту осуществить вторжение на Британские острова, но мечта эта была абсолютно несбыточной с оставшейся в тылу, так и не покорившейся в 1807 году Россией. Обе стороны готовились к неминуемой войне.

В ноябре 1811 года, чуть более чем за полгода до её начала, в составе российской армии была сформирована 27-я пехотная дивизия в составе четырёх полков, названных по городам Виленским, Одесским, Тарнопольским и Симбирским. Командовал дивизией генерал Дмитрий Петрович Неверовский (1771–1813). Симбирцев отличали погоны тёмно-зелёного цвета с красной выпушкой и номером дивизии – 27. Первым командиром Симбирского полка стал полковник Павел Сергеевич Лашкарев (1776–1857), не симбирянин, а обрусевший грузин, Лашкаришвили-Бибилури, сын талантливого дипломата Екатерининской эпохи Сергея Лазаревича Лашкарева, усилиям которого Россия была обязана присоединением Крыма в 1782 году.

Свой первый бой 27-я пехотная дивизия приняла 2 августа 1812 года при селе Красном. Симбирский пехотный полк вступил в сражение, имея в своих рядах всего 1070 человек, против положенных по штату 2459 солдат и офицеров. Бой под Красным потом назовут важнейшим подвигом генерала Дмитрия Неверовского и его солдат. Отразив сорок атак французской кавалерии, воины

Бой за Шевардинский редут. 24 августа 1812 года

Немировского на сутки сдержали натиск французов.

Численность Симбирского пехотного полка была пополнена за счёт необстрелянных новобранцев и бойцов из Московского дворянского ополчения, вчерашних крепостных и дворовых мужиков. Накануне знаменитого Бородинского сражения, 24 августа 1812 года, 27-я пехотная дивизия встречала наступавших французов в жестокой и долгой битве за Шевардинский редут. Виленцы, одеситы и симбирцы не раз сходились в штыковых схватках с превосходящими силами противника. И неизвестно, как бы сложилась судьба Бородинской битвы и всей кампании, не успей командир симбирцев Павел Лашкарев заслонить собою от вражеской пули главнокомандующего российской армией, генерал-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова (1745–1813). Пуля насквозь пробила Лашкареву голову, войдя в правую щёку и выйдя у левого уха. Последствия тяжёлого ранения сказывались потом до конца жизни. Рана привела к ухудшению зрения, и Павел Сергеевич в числе немногих военачальников русской армии своего времени постоянно носил очки!

В течение всего 25 сентября Наполеон не начинал битвы. Он приказал дать солдатам основательно отдохнуть, выдать усилен-

ные рационы. Составлял и детализировал планы на следующий день, уточнял индивидуальные приказы маршалам и генералам. Он постоянно поглядывал в сторону видневшегося вдаль русского расположения: не ушёл Кутузов. Но всё было неподвижно: русские войска оставались на месте. Они также готовились к решающему сражению. Перед сражением главнокомандующий М.И. Кутузов объехал полки, воодушевляя их на предстоящее сражение. Остановившись перед Симбирским полком, он сказал: «Вам придётся защищать землеродную, послужить верой и правдой до последней капли крови. Каждый полк будет употреблён в дело. Надеюсь на вас. Бог нам поможет. Отслужите молебен».

26 августа 1812 года в Бородинском сражении 27-я пехотная дивизия второй линией защищала знаменитые Багратионовы флеши. В них окопалась наскоком сформированная 2-я сводно-гренадерская дивизия, в состав которой вошла и гренадерская, лучшая рота Симбирского пехотного полка. С самого раннего утра за флешей завязался невероятно упорный и кровавый бой. На этом участке гремело с обеих сторон более 700 орудий. И русские и французы неоднократно вступали в рукопашный бой. Русские солдаты падали, а бегства не было. Укрепления неоднократно пер-

ходили из рук в руки и в конце концов были заняты французами.

Гренадерская рота симбирцев полегла в полном составе. Из 943 нижних чинов Симбирского пехотного полка, вступивших в Бородинское сражение, к вечеру оставался в строю 251 человек. В Бородинском сражении были ранены сразу два командира батальонов – майор Карпов и подполковник Рындин. Вместе с полковником Лошкаревым они были представлены к награждению орденами Святого Георгия 4-й степени. Симбирский пехотный полк был выведен на переформирование.

Отечественную войну 1812 года в сознании потомков окутывает эдакая романтическая дымка: уланы, драгуны, гусары, разбитные поручики Ржевские, генералы... Но любая война остаётся войной, и романтика не выдерживает столкновения с реальностью. Летом из-за жары и плохой воды солдат массово косила диарея, от неё особенно страдали кавалеристы, вынужденные проводить время в седлах. От мороза, поноса, вшей и бездорожья россияне страдали ничуть не меньше французов.

Помню, как был потрясён, вычитав в учебнике по истории, что Отечественная война 1812 года обошлась России в два миллиона человеческих жертв! Напомню, что всю империю тогда населяло всего 40 миллионов человек. Многие воины стали жертвами холода, голода и эпидемий, сопровождавших военные действия. Так, осенью 1812 года Сызранский и Самарский уезды Симбирской губернии накрыла эпидемия тифа, разносимого партиями проходивших через губернию французских военнопленных. Эта болезнь сгубила больше солдат и офицеров великой армии, чем русские пушки и пули, но и нам, как видим, доставалось...

Но вернёмся к событиям войны. Симбирский пехотный полк защищал Шевардинский редут и Багратионовы флеши. Они строились под командой знаменитого симбирянина, директора путей сообщения действующей армии

Петр Никифорович Ивашев. Видны звезда и лента ордена святой Анны, на шее орден Святого Владимира 3-й степени, награды за Отечественную войну

генерал-майора Петра Никифоровича Ивашева (1767–1838), владельца имения Ундоры в Симбирском уезде. Ивашев командовал всей инженерной службой русских войск, противостоявших французам. В списке наших военачальников, участвовавших в Бородинской битве, Пётр Никифорович был прописан четвёртым, не по алфавиту и воинскому званию, а по вкладу в общее дело. За Бородинскую битву генерал Ивашев был удостоен высокого ордена Святой Анны 1-й степени.

Кроме полевых укреплений на полях самых известных сражений Отечественной войны, за четыре её первых месяца сапёры Ивашева построили 118 вёрст дорог, отремонтировали 924 версты существующих, построили 180 мостов. Пётр Никифорович исполнял свою должность и во время зарубежных походов русской армии 1813–1814 годов, вплоть до последнего крупного сражения всей антинаполеоновской кампании, осады немецкого города Гамбурга, продолжавшейся с 14 декабря 1813 года по 27 мая 1814 года. Гамбург считался самой мощной французской крепостью, которую оборонял 40-тысячный гарнизон.

Жирной точки, убедительной победы не получилось. Гамбург продолжал сопротивляться, и это не давало возможности подписать мирный договор, хотя уже пал Париж, Наполеон отрёкся от престола, и во Франции воцарился король Людовик XVIII, не пользовавшийся особым авторитетом ни в армии, ни в народе. Тем не менее, повинаясь его настойчивым приказам, гарнизон Гамбурга наконец согласился капитулировать. При этом 26 тысяч французов (больше половины всего гарнизона) сумели вырваться с оружием и уйти во Францию.

В истории с неудачной осадой Гамбурга Пётр Ивашев оказался крайним – мол, не сумел должным образом организовать строительство осадных сооружений. Петру Никифоровичу не нашлось места в знаменитой Военной галерее Зимнего дворца, в которой представлены портреты 332 российских военачальников, генералов, участвовавших в Отечественной войне 1812 года.

Петр Андреевич Кикин на портрете из Военной галереи Зимнего дворца

Зато в галерее красуется портрет другого нашего земляка, уроженца уездного города Алатырь, третьего по размерам и значению центра в Симбирской губернии, Петра Андреевича Кикина (1775–1834). Петр Кикин тоже участвовал в Бородинском сражении, был ранен и удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени: за всю историю такой орден получили всего 650 человек. Генерал Кикин был образован, прекрасно владел

словом, слыл за остряка, но, когда надо, был человеком велеречивым и серьёзным.

В декабре 1812 года, сразу после изгнания Наполеона за пределы России, Пётр Андреевич предложил увековечить память побед российского оружия строительством грандиозного православного храма.

Симбирянин Пётр Кикин призывал россиян построить храм Христа Спасителя: *«Чьё сердце не преисполнено благодарности к Богу, единственному Спасителю нашему? Кто не чувствует сердечной необходимости ознаменовать признательность свою к Милосердию Его, явно покровительствующего нам? Проведение Божие, помощью Веры и народного духа спасло нас. Ему благодарность, и памятник Ему же принадлежит».*

Идею генерала П.А. Кикина поддержали. Храм Христа Спасителя был заложен в 1839 году, освящён в 1883-м, но важно помнить, кто сказал первое слово...

В самом Симбирске о начале войны с Наполеоном официально сообщили только 24 июля (5 августа) 1812 года: был обнародован манифест императора Александра I от 6 (18) июля 1812 года о сборе ополчения: *«Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы. Сего ради при всей твердой надежде на храброе наше воинство полагаем мы за необходимо-нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую отряду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют».*

В воскресенье, 28 июля, в день иконы Божией Матери Смоленской, во всех монастырях, церквях и соборах губернского Симбирска «были принесены Господу Богу теплые молитвы с личным сему случаю поучением». Начался сбор пожертвований на ополчение и в пользу солдат и офицеров формировавшегося в то время в Симбирске регулярного

2-го Рязанского пехотного полка, для которого дворяне и граждане, то есть городские жители, мещане и купцы, собрали 160,000 рублей. Это огромная сумма (так, годовое жалованье губернатора равнялось «всего-то» 1800 рублям).

Долгие 25 лет солдатской службы в XIX столетии вовсе не были прихотью начальства, но необходимостью, связанной с вооружением и приёмами ведения войны своего времени. Ждать, что ополченцы сумеют эффективно противостоять в прямом бою французской армии, разумеется, не приходилось. Зато ополченцы могли нести гарнизонную службу, сопровождать грузы и пленных, строить мосты и дороги, освобождая для ратных трудов солдат регулярных частей. В ополчение брали по четыре человека со ста душ, то есть особ мужского пола, помещичьих крестьян в возрасте от 18 до 45 лет с экипировкой на помещичий счёт.

Из дворян, как правило, отставных военнослужащих, формировался офицерский корпус ополчения. Тут попадались уникальные личности, например, прапорщик Василий Егорович Алеманов, начавший военную службу ещё в 1760 году, за 52 года до сбора ополчения! Он участвовал в нескольких русско-турецких войнах, в боях с польскими конфедератами, был неоднократно ранен. С ополчением он прошёл всю кампанию, вернулся домой живым, и жил как минимум до 1819 года! Жил трудно, просил государство о помощи, *«в рассуждении бедственного моего положения, ибо пропитывать себя, по старости своих лет, никаких уже средств не нахожу, подавая ж от частных лиц обер-офицерам испрашивать узаконениями воспрещено».*

11 сентября 1812 года выразил желание вступить в ополчение пономарь симбирской Никольской церкви Алексей Герасимов. За два месяца перед тем отчаянный пономарь был препровождён на полугодовое послушание в Покровский мужской монастырь «за нехорошее по пьянству и буйству его поведение». Тем не менее просьба была уважена, и Алек-

сей Герасимов препроводили в монастырское заключение.

Многие помещики, причём весьма богатые, норавли на ополченцах сэкономити отдать людей буйных, нетрезвых или малосильных, соответственно, сэкономив и на их экипировке. В «Выписке о издержках денег при отдаче воинов в ополчение», составленной управляющим Симбирской вотчиной графа Орлова, отмечено: *«Офицеру з приём бракованных 536 пар сапог 286 руб.; по сему же делу проток листу Самарского уезда – 100 руб при отдаче воинов приёмщику з необраковку людей – 283 руб.; пч нём помощнику – 50 руб.; коновалу – 10 руб.; на угощение – 60 руб.»*

И тем не менее благодаря усилиям симбирского губернатора князя Алексея Алексеевича Догорукова, князя Дмитрия Васильевича Тенишева и полковников командиров Симбирское ополчение оказалось среди лучших, способных на прямое противостояние врагу, что оно и доказало впоследствии, участвуя в значительных походах русской армии 1813–1814 годах.

26 октября 1812 года, в день памяти глубоко почитаемого народе святого воина великомученика Димитрия Солунского выступило Симбирское ополчение к театру военных действий с Соборной площади Симбирска – вниз по Московской (ны Ленина) улице. Современники бывших свидетелями провод ополченцев, всегда поражаало, каким удивительным спокойствием, достоинством и чувством долга отправлялись в поход э части, сформированные из пьстых мужиков. Не было ни причтаний, ни слёз, ни грубых шуток и смеха, обычных для многолюдных народных собраний. В серкафтанах и картузах, вооружённые пиками, они шагали навстречу судьбе, готовые умереть за Отечество.

И они действительно умирали. Из 567 ратников, ушедших войну из вотчины графа Орлова, домой возвратились толк 346 человек...

Иван Сивош